

Хлыстова Анна Владимировна, Сорокина Анна Игоревна

"ЛЕТО НА ЯЗЫКЕ": ОБРАЗ ДЕТСТВА В РОМАНЕ Р. БРЕДБЕРИ "ВИНО ИЗ ОДУВАНЧИКОВ"

В статье рассматривается роман американского писателя-гуманиста XX века Р. Бредбери "Вино из одуванчиков" в контексте воплощения концепции детского сознания. Тема детства является одной из ключевых для Бредбери, играя важную роль в формировании его философско-эстетической позиции. В романе "Вино из одуванчиков" образ детского восприятия мира становится центральной темой, главным организующим принципом поэтики и идейной доминантной, что позволяет считать данное произведение высшей репрезентацией темы детства в творчестве писателя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/9-1/53.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. I. С. 195-197. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 8; 821.111

Филологические науки

В статье рассматривается роман американского писателя-гуманиста XX века Р. Бредбери «Вино из одуванчиков» в контексте воплощения концепции детского сознания. Тема детства является одной из ключевых для Бредбери, играя важную роль в формировании его философско-эстетической позиции. В романе «Вино из одуванчиков» образ детского восприятия мира становится центральной темой, главным организующим принципом поэтики и идейной доминантой, что позволяет считать данное произведение высшей репрезентацией темы детства в творчестве писателя.

Ключевые слова и фразы: организующий принцип поэтики; концепция детства; идейная доминанта; проблема времени; суггестивное воздействие; гипнотический язык.

Хлыстова Анна Владимировна, к. филол. н.

Сорокина Анна Игоревна

*Российский университет дружбы народов
capra@mail.ru*

«ЛЕТО НА ЯЗЫКЕ»: ОБРАЗ ДЕТСТВА В РОМАНЕ Р. БРЕДБЕРИ «ВИНО ИЗ ОДУВАНЧИКОВ»[©]

Нет лучшего способа отметить начало лета, чем прочесть роман Рэя Бредбери «Вино из одуванчиков». Особенно взрослым. В качестве лекарства хочется посоветовать его тем, кто уже забыл, что такое видеть мир глазами ребенка.

Чудо начинается с первых же строк романа, когда его герой Дуглас понимает, что он *живой*. Да, так просто, но в то же время так важно. Люди привыкли дышать, ходить; жить для нас – это данность. Возможно, подобное заблуждение – причина многих несчастных судеб. Ведь жизнь – это дар. Необходимо помнить об этом каждую секунду. Но, к сожалению, темп современной жизни не позволяет задумываться о подобных вещах. Человек постоянно спешит, нервничает, думает о сделанных или грядущих делах.

И лишь дети, еще не окунувшиеся в пучину взрослых проблем, способны искренне радоваться каждому новому дню и тому, что он может им принести.

Взрослые же, говоря словами одного из героев романа Бредбери, «готовы уничтожить все, что есть на свете хорошего. Только бы тратить поменьше времени, поменьше труда...» [1, с. 30].

Человек стремится не к тому, чтобы быть счастливым, а к тому, чтобы все успевать. Он ценит свое время, но не так, как должен: в погоне за скоростью забывает уделять внимание простым, казалось бы, незначительным вещам. Например, глубине и синеве неба, красоте цветов, растущих около входа в офисное здание. Но если разучиться уделять внимание таким мелочам, не замечать красоты каждого дня, то можно забыть, что такое испытывать счастье.

Я. Корчак, умевший увидеть мир ребенка и мир глазами ребенка, писал: «Позволим детям упиваться радостью утра и верить. Именно так хочет ребенок. Ему не жаль времени на сказку, на беседу с собакой, на игру в мяч, на подробное рассмотрение картинки, на перерисовку буквы, и все это любовно. Он прав. Мы наивно боимся смерти, не сознавая, что жизнь – это хоровод умирающих и вновь рождающихся мгновений... Мир длится столько, сколько улыбка или вздох...» [5, с. 23].

В социальной сети *Instagram* появилась интересная тенденция: фотографироваться рядом с цветами и подписывать фотографию примерно следующим образом: *Stop and smell the roses* (с англ. «Остановиться и вдохнуть аромат роз»). Это говорит о том, что многие люди обращают внимание на то, как суетлива их жизнь, ощущают давление непрекращающейся гонки. Чем больше у человека времени, тем больше ему хочется успеть, больше нагрузить себя.

Теряется способность радоваться мелочам, замечать их. А как можно быть счастливым, если твои чувства постепенно атрофируются? Чему же тогда радоваться?

В свете данной проблемы тенденция, появившаяся в социальной сети, не кажется незначительной или глупой, а даже радует. Человек понимает, что отвлечься хотя бы на пару мгновений от мирской суеты – счастье.

Вот и дедушка главного героя говорит своему соседу, что «подстригать траву и выпалывать сорняки – тоже одна из радостей жизни», что лучше пройтись пешком, чем проехать на роскошном автомобиле, ведь только «есть время оглядеться вокруг, заметить самую малую красоту» [1, с. 22].

В семье Дугласа есть удивительная традиция: делать вино из одуванчиков. «Самые эти слова – точно лето на языке. Вино из одуванчиков – пойманное и закупоренное в бутылки лето» [Там же, с. 15]. В любое время года у семьи мальчика есть возможность на мгновение прикоснуться к лету, сделать один терпкий глоток и забыть обо всем. Сохранить частички лета в виде не только вина, но и памяти о днях сбора, о самых интересных событиях – это ли не чудо?

Главный герой хочет запомнить это лето навсегда не потому, что оно какое-то особенное, а просто потому, что для него каждое лето и каждый день каждого лета – подарок, а не данность. Счастлив взрослый,

который воспринимает мир так же. Герой эпопеи М. Пруста «В поисках утраченного времени» осознает это ретроспективно, лишившись возможности непосредственно воспринимать жизнь. Мы путешествуем вслед за Марселем по миру его памяти, возвращая утраченное время. А герои романа Брэдбери предлагают нам путешествие в действительность окружающего мира, не только в свою, но и в нашу реальность – к пыльным растениям вдоль дороги захолустного городка, к сочнозеленым лугам, к блаженству летнего дня.

Дуглас делит блокнот на две половины: «Обряды и обыкновенности» и «Открытия и откровения». Каждое событие мальчик считает значимым и относит во вторую колонку, для него не существует понятия «рутины».

Роман Брэдбери – описание одного лета из жизни двенадцатилетнего ребенка – лишен авантюристичности, экспрессивной напряженности и стилистических изысков, и, тем не менее, книга читается на одном дыхании. Она похожа на картину или кинофильм: атмосфера произведения захватывает достоверностью ощущений, настроением, ароматом летнего дня. Суггестивная насыщенность текста постепенно обволакивает читателя, делает частью истории, позволяя погрузиться в нее и забыть на время обо всем на свете.

Вагоновожатый Тридден рассказывает детям о том, каким их город был раньше, и лишь крик дикой утки был способен нарушить мерный поток его воспоминаний: *«Они сидели на траве и уплетали сэндвичи с ветчиной, свежую клубнику и яркие, блестящие, точно восковые апельсины, и Тридден рассказывал, как много лет назад тут по вечерам на разукрашенной эстраде играл оркестр... а по дощатым мосткам, постукивая каблуками, будто играя на ксилофоне, расхаживали дамы в длинных платьях с высокими стоячими воротниками и мужчины в таких тесных накрахмаленных воротничках, что того и гляди задохнутся... Озеро лежало молчаливое, голубое и безмятежное, рыба медленно плескалась в блестящих камышах, а вагоновожатый все говорил и говорил, и детям казалось, что они перенеслись в какое-то иное время, и мистер Тридден стал вдруг на диво молодой, а глаза у него горят, как голубые электрические лампочки. День проплывал сонно и бестревожно, никто никуда не спешил, со всех сторон их обступал лес, и даже солнце словно остановилось на одном месте, а голос Триддена поднимался и падал, и стрекозы сновали в воздухе, рисуя золотые невидимые узоры. Пчела забралась в цветок и жужжит, жужжит...»* [Там же, с. 55].

Передачу интенсивности, наполненности бытия, которое свойственно детям, Брэдбери достигает за счет использования гипнотической речи, погружения читателя в трансное состояние. На небольшом пространстве приведенного выше отрывка встречаются следующие паттерны гипнотического воздействия: использование ярких, необычных визуальных, аудиальных, кинестетических предикатов и образов, лексические и синтаксические повторы, замедление темпа речи за счет прямых лексических маркеров, нарушения согласования времён в глагольных конструкциях и т.д.

Дети – максималисты в своем мироощущении, для них существует лишь «черное» и «белое», добро и зло. Поэтический слух Брэдбери улавливает эту конфликтную напряженность, обостренную контрастность детского восприятия – словно звенящей натянутой струной соединены безмятежность летнего вечера и его пульсирующая, таящая опасность темнота: *«Так они сидели, наслаждаясь мороженым, окутанные глубокой тишиной летнего вечера. Только вдвоем – мама и он, и вокруг них, вокруг их домика и улочки – ночь... Они прислушивались к ночи, ощущая, как она подступает ко всем окнам и дверям и как давит тишина... Том просто сидел на деревянном полу и смотрел в черную-черную черноту...»* [Там же, с. 25].

Есть в романе нотка печали, касающаяся привязанности человека к вещам-напоминаниям о прошлом (билеты, детские заколки и прочее). Мы станем свидетелями «дружеского спора» между мистером и миссис Бентли. Мистер Бентли предлагает жене избавиться от всех ее «сокровищ» в виде билетов, театральных программ и прочих мелочей, но она «упрямо их хранит».

Эта проблема, поднятая писателем, также является актуальной во все времена. Очень часто человек живет или прошлым, или будущим, но никак не настоящим. И снова это роковая ошибка взрослых, но никак не детей.

Миссис Бентли привязана к прошлому, с любовью его вспоминает. Но ведь надо жить здесь и сейчас, прошлое уже свершилось, его не вернуть. Да, его нельзя забывать, но и жить им тоже нельзя.

А как часто люди живут будущим! Мне кажется, не будет ложью, если сказать, что большая часть людей устремлена в гипотетическое будущее, а не погружена в свое настоящее: «вот когда я куплю автомобиль», «до отпуска осталось две недели» и так далее.

Но таким образом человек теряет свою жизнь! Если ты постоянно живешь будущим, то есть не здесь и сейчас (а здесь и сейчас ты выживаешь), то к чему это приведет? Не надо никуда спешить. Ведь завтра может и не настать или внезапно и навсегда оборваться... А ты так и не жил...

Возвращением людей к полноценному восприятию жизни занимается экзистенциальная психотерапия, восходящая к экзистенциализму как философско-художественному учению середины XX века. Герой романа А. Камю «Посторонний» слишком поздно осознает радость и полноту жизни, самодостаточной и прекрасной вне зависимости от поставленных целей и их достижения: «взирая на это ночное небо, усеянное знаками и звездами, я в первый раз открыл свою душу ласковому равнодушию мира. Я постиг, как он подобен мне, братски подобен, понял, что я был счастлив и все еще могу назвать себя счастливым» [3, с. 84].

В философском эссе «Миф о Сизифе» Камю, выбрав историю Сизифа как метафору горчайшего разочарования в целесообразности жизненной активности, утверждает, тем не менее, насыщенность и радость бытия героя: даже при том, что камень неизбежно скатывается с вершины горы, Сизиф ощущает себя свободным, его жизнь полна и оттого полноценна: «Каждая песчинка камня, каждый вспыхивающий в ночи отблеск руды, вкрапленный в гору, сами по себе образуют целые миры. Одного восхождения к вершине достаточно, чтобы наполнить до краев сердце человека. Надо представлять себе Сизифа счастливым» [2, с. 139].

Нам всем стоит поучиться у юных героев Брэдбери замечать красоту каждого дня, искренне радоваться ему, любить жизнь всем сердцем, помнить, что мы живые. Не искать причин для счастья, а просто быть счастливыми.

Ведь где-то, в глубине души, в каждом из нас есть ребенок.

Дугласу, герою романа Брэдбери, 12 лет, он находится в начале подросткового периода, психологи считают, что на 11-12 лет как раз приходится пик познавательной активности и любознательности. По-своему это уникальное состояние: подросток уже перестает быть ребенком в прямом понимании этого слова, но еще и не становится взрослым. «Подросток уже не хочет принадлежать к детской культуре, но еще не может войти в сообщество взрослых, встречая сопротивление со стороны реальной действительности» [4].

Дуглас по-детски восторженно смотрит на окружающий его мир, все для него интересно, ново, важно. Он искренне любит жизнь, поэтому способен ценить каждое мгновение. Однако, подводя итоги лета, мальчик приходит к ряду печальных выводов: «нельзя полагаться на вещи, потому что... они разваливаются»; «нельзя полагаться на людей, потому что... они уезжают... умирают» [1, с. 17]; у Дугласа не поднимается рука записать лишь один вывод: что он тоже когда-нибудь умрет. Ребенку с его жизненным оптимизмом и бурлящей энергией эта мысль кажется абсурдом.

Главное отличие детей от взрослых в том, что первые живут здесь и сейчас, а вторые живут прошлым или будущим.

Возможно, помимо психологических различий, именно разное восприятие времени – онтологическая грань между мировоззрением ребенка и взрослого. Ребенок живет настоящим, и в то же время он живет в вечности. Смерти для него не существует, существует движение. Он не может смириться с тем, что взрослые понимают смерть как *окончание* жизненного пути. Для ребенка, с его мифологическим отношением к действительности, жизнь не делится на отрезки, она бесконечна. А. Бергсон, философ начала XX века, чье учение оказало значимое влияние на философию и литературу, в частности, и на творчество М. Пруста, считает, что время – это поток самой жизни. С пониманием времени как непрерывного потока изменений согласен ребенок. Взрослый же обычно принадлежит хронологической системе координат, считая дни и отмеряя годы. Взрослый чаще всего не верит в вечность, а оттого теряет настоящее, теряет все. «Скитается по белу свету бездомная Золушка – чувство. А ведь именно дети – князья чувств, поэты и мыслители» [5, с. 29].

Но хочется верить, что в каждом взрослом продолжает жить ребенок, и что однажды, обогатившись опытом взросления, умением понимать причинно-следственные связи и брать на себя ответственность за все происходящее в мире, взрослый встретит своего ребенка, как герой Сент-Экзюпери Маленького принца, и многое вспомнит, и многому научится от него.

Список литературы

1. Брэдбери Р. Вино из одуванчиков. М.: Мир, 1967. 400 с.
2. Камю А. Миф о Сизифе // Камю А. Миф о Сизифе: философский трактат. СПб.: Азбука-классика, 2005. 256 с.
3. Камю А. Посторонний // Камю А. Посторонний. Чума. Падение. М.: Терра, 1997. 416 с.
4. Козлов Н. И. Психология подросткового возраста [Электронный ресурс]. URL: http://www.psychologos.ru/articles/view/psihologiya_podrostkovogo_vozrasta (дата обращения: 13.06.2014).
5. Корчак Я. Как любить ребенка. Екатеринбург: У-Фактория, 2003. 352 с.

“SUMMER ON THE TONGUE”: IMAGE OF A CHILDHOOD IN THE NOVEL BY R. BRADBURY “DANDELION WINE”

Khlystova Anna Vladimirovna, Ph. D. in Philology

Sorokina Anna Igorevna

Peoples' Friendship University of Russia

capra@mail.ru

The article examines the novel by the American writer-humanist of the XX century R. Bradbury “Dandelion Wine” in the context of implementing the conception of child’s consciousness. The theme of childhood is one of the key ones for Bradbury, playing an important role in the formation of his philosophical and aesthetic attitude. In the novel “Dandelion Wine” an image of child’s perception of a world becomes a central subject, a basic organizing principle of poetics and ideological dominant, which allows considering this work of literature as a highest representation of a childhood theme in the writer’s creative work.

Key words and phrases: organizing principle of poetics; conception of childhood; ideological dominant; problem of time; suggestive influence; hypnotic language.